

К 100-летию со дня

рождения Якуба КОЛАСА

В ноябре с. г. исполняется сто лет со дня рождения народного поэта Белоруссии Якуба Коласа. Поэзия и проза этого замечательного мастера слова выросли на богатой ниве духовного творчества народа. Его путь в литературу осветил пожар первой русской революции. Устами Коласа заговорила о себе угнетенная Беларусь, которая в революции, в борьбе «за право людьми зваться» увидела свое светлое завтра. Пятьдесят лет продолжался неустанный литературный труд Коласа, но с особой силой зазвучал его голос после победы Великого Октября. Вместе с Я. Купалой, З. Бядулей, К. Чорным, П. Бровной Колас был в числе первых летописцев героического времени первых пятилеток.

Простой, по-народному мудрый облик писателя сохранился в душе тех, кто знал его и встречался с ним. Сегодня «ЛГ» публикует воспоминания о Якубе Коласе белорусского писателя Максима Лужанина.

Максим
ЛУЖАНИН

НА МНОГИХ дорогах довелось мне побывать с Якубом Коласом. В направлении Бреста, за Столбцами, на угодьях, где начинался его потомственный мужичий род. А всего чаще и всего желаннее сердцу были поездки по Могилевскому шоссе в сторону Бобруйска. Как же случилось, что Колас вопреки сложившимся представлениям, будто людей почтенного возраста больше тянет в места обитания детства и юности, избрал себе иной, не похожий на обжитый ранее угол Белоруссии, отдал ему предпочтение?

Попытаемся понять. По возвращении с Курщины в 1921 году Константин Михайлович был лишен возможности побывать в своем селе Николаевщине, обнять и привить близких. Избужку его отца-лесника, где родился, учился грамоте, написал первое стихотворение, отрезала граница. Западные белорусские земли оставались под властью буржуазно-помещичьей Польши.

Малая родина поэта была отторгнута от него, а без общения с природой, с душой землепашца, без единения с землей-кормилицей Колас не мыслил своей любимой работы да и вообще существования себя самого.

Дачные места — а их было около десятка — выбирался на запад от Минска: хоть на шаг, да ближе к дому! Однако здесь не все и не в полной мере отвечало настрою души, не хватало собеседников, не вызревали замыслы. Поэт начал искать иного пристанища, двинулся вниз по течению Свислочи.

Дом отдыха писателей в Пуховичах был хорош мно-

гим, но, к сожалению, и многолюден. Нежданно-негаданно совсем поблизости отыскался целый куст небольших деревенек и отдельных усадеб: Подбережье, Устье, Березянка, Болочанка. Есть где посидеть с удочкой, за плечами лиловеют широкие вересковые долины, весело чередуются холмы и перелески с несметным количеством черноватых со шляпки боровиков.

А главное — неспешные разговоры с местными знакомцами. О погоде, о валах на урожай. Им дарились книги, читались новые стихи. Иногда удавалось взяться за косу, пройти с косарями широкий прокос от края до края, оставляя на покосе отпечатки босых ног.

В доме жили тепло и радость. Приветливая подруга его умело вела хозяйство, воспитывала дружную троицу сыновей — заботы и участия доставало на всех.

Так, не заменяя и не вытесняя родину детства, в душу входила новая родина, родина зрелости таланта, широких народных свершений. Живые свидетельства этому — стихи, наверное, самые вдохновенные, недаром объединила книга с простым и емким названием «Мой дом».

В сентябре 1939 года граница пала. Колас встретил сестер и братьев, вдохнул гостого живительного ветра окрестных боров, прикоснулся

к истокам своей поэтической юности, увидел начало пути в революцию. Радуюсь долгожданному воссоединению народа, писал подъемные, впечатляющие строки, наезжая в Николаевщину, но и поездкам по Могилевскому шоссе был уже не в силах изменить: вновь обретенная родина крепкими узами привязала к себе.

После войны конечный пункт его маршрута определился твердо — Болочанка, небольшое селение на берегу одноименной речушки. Там жили друзья К. С. и М. И. Дятки, знакомство с ними восходило ко временам дово-

зводит от пойменных выпасов и не хочет согласиться, что пыльщики могли здесь снимать с бревен горбыль (оболонь).

— А сейчас смотри: вон «дама с зонтиком».

В туманном перелеске вырисовывается шар, отдаленно напоминающий зонтик, и под ним как бы очертания фигуры. Эта причудливо изогнутая сосна и впрямь похожа на укравшуюся от дождя женщину.

Придорожная чайная. К стене аккуратно прислонен пяток хомутов.

— Что бы это могло значить? — вопрошает Констан-

тин Михайлович, чуть приметно улыбаясь. И сразу же: — Либо коней не пустили на пиво в хомутах, либо люди, управляясь запрягать коней, решили освежиться пивком. Ну, а упряжь поставили на время. Отныне, — в голосе Константина Михайловича звучит юмористически-торжественная нота, — именовать сию чайную — «Хомут».

Почти у самого леса на встречу нам трухает здоровенный парнище. Пегая лошаденка, казалась, заката между его длинных ног, и владелец их скорее идет, чем едет.

— Человек, которому до зарезу нужна более совершенная техника, — шутливо заметил Константин Михайлович.

И угадал! На обратном пути мы встретили этого парня: он катил на новеньком велосипеде, а сзади трухала привязанная за сиденье пегашка.

Грибной сбор удался, и вот мы в дружной семье Дятко. Здесь заканчивались обычно поездки. Константин Степанович Дятко был председателем местного колхоза: Мария Ивановна, его жена, — большая мастерица солить грибы и готовить вкуснейшие сочные вареники величина с кулак.

Вскоре глава семьи, по возрасту, перешел на более «легкую» работу: гнул на всю округность дуги, ибо этот нехитрый инвентарь почему-то исчез из продажи.

Константин Михайлович — он и Дятко величали друг друга тезками, — приезжая, прежде всего шел под навес,

где работал приятель. Проверял наличие пригодных заготовок, считал готовую продукцию.

Тут делался коррентный намер на перерасход материала, как у крыловского медведя. Тезки хлопали друг друга по спине, а хозяйне отдавалась команда собрать чего-либо на стол.

Урожай болочанских полей был, можно сказать, перво-степенной заботой Коласа. Он куда как горячо вникал в жизнь колхоза, поддерживал все начинания болочанцев. Помог получить грузовик, а сразу после войны это было нелегким делом, добывая минеральные удобрения, подтигивал торговлю в сельпо.

Возвращался Колас из Болочанки оживленный. Смешно рассказывал о стычках председателя с нерадивыми, смаковал, повторяя цветистое либо соленое словцо.

Рядом с усадьбой Дятко стояла покинутая изба. Сивозъ запыленный ледок расколовшихся стенок изливалась сиротская тишина опустошения. Колас слушал, как и когда запустела эта избенка, спрашивал об этом у разных людей. Иногда смыкал ресницы, видимо, хотел представить уходящих, в последний раз закрывающих за собой родную дверь.

Ведь в Белоруссии, в сельской ее части, после войны добрая половина домов осталась без хозяев. Вот и по соседству, здесь, целые деревни угнаны в неволю, загнаны оккупантами на огненный эшафот.

Так зарождался рассказ «Между двух речек», в первом крещении — «Осиротелая хата». Рассказ долго не печатался, редакторы находили краски чересчур мрачными, но вскоре он появился в «Огоньке». К тому времени ожил замысел: рассказать, как в опустелой хате раскрылись двери, вспыхнула под потолком лампочка, послышался детский смех.

Этот рассказ так и остался в устной передаче, Колас не успел.

Мы поехали в родную Коласу Николаевщину ранней

весной. У Константина Михайловича болели руки, и он вспомнил: когда-то земляки изгоняли ревматизм с помощью торфяной жижи.

На 757-м километре руки вдруг утихли.

— Вот и буду ездить сюда лечиться.

— Сверженская гряда, Смолярыня, Елово. Налево — дорога на Ласток, а там можно на Пристаньку пройти, где мы свой съезд собирали...

Одно за другим произносит Колас названия и имена. Так их никогда не произнесешь сам, не тронут они, сойдя с уст другого человека. А у него оживают, раскрывают свой первородный смысл, превращаются в картины, схваченные детским воображением, много раз представленные из-за тюремных решеток, углубленные разлукой в войну и беженством, на много лет отсеченные границей, на короткое время найденные и снова утраченные при кровавом тевономском нашествии и наконец возвращенные, добытые на вечные времена.

Этих картин мы не могли знать и в то же время знали, не видели их и тем не менее всегда удерживали перед глазами. Ибо вдохновенным трудом художника его старанием и заботой все они объединены в мир, который называется «Новой землей». Этот мир обступает нас сейчас с такой силой правдоподобия, как будто колеса машины не оторвались час назад от столичного проспекта и, пошептавшись с песчаным проселком, не остановились перед пригорком, через который переваливается трактор с бородами под командой тракториста, парня из николаевского колхоза.

В Смольне, у избы брата Иосифа, Колас прощается с пятидесятилетними деревьями, посаженными его рукой, и с самой хатой, где когда-то впервые он встретился с Янкой Купалой.

Константин Михайлович долго не уходит с берега Немана. Волны подкатываются к самому кладбищу, там покоятся его отец и мать. И вдруг он вспоминает слова песни о Немане-разлучнике, отнявшем у девушки жениха. Когда-то эту песню певала мать вечерами, плакала сама да и соседки, спрядая вечерами кудель.

Колас долгие годы пытался припомнить мотив, восста-

новить хотя бы часть слов. А на берегу родной реки это произошло как бы само собою, песня зазвучала во всей красе и силе.

— Прощай, Неман, дружок мой! — повторяет Колас, материнский припев. — Прощай! — и машет рукой.

Где-то позади остался «яблочный рай», так окрестил Колас Барановичи с весенней распродажей отменно сохранившихся яблок. Приближаемся к овеянному славой истории и поэзии Новогрудку с курганом польского гения Адама Мицкевича, чье имя часто тревожило маленького Якуба, полагавшего подпирать свои творения «Мицкевич со Столбцев», как бы не спутали, чего доброго, с однофамильцем «Мицкевичем из Новогрудка».

Озеро Свитязь. Колас вслушивается в нарушенный покой озера. Мутные ручьи и взбудораженные речки все дружнее взламывают лед и сбегая с новогрудских пригорков, тревожат, будят Неман. Родная река когда-то позвала его в песню. Иные краски несет на себе время, новая жизнь началась у Немана, с новым словом едет поэт к лесорубам, мастерам полей, кулесникам белорусского стекла, назвавшим свой завод по имени славной реки.

Никто из присутствующих не решается нарушить его безмолвный разговор с весенней водою.

— Пора! — говорит он сам.

На предвыборных собраниях выступающие, а с ними и весь зал вспоминают жизненный путь поэта. Из одного столетия в другое, из края, изнывавшего под сапогом самовластья, на широко распахнутые просторы молодой республики.

Колас откладывает очки: не читать же здесь речь. Он будет говорить, советовать и советоваться, он в доброй и дружной семье. Да и речь коротка: слово за мир, призыв к хорошей работе, по-народному хлесткая шутка.

И долго не могут, не хотят расходиться. Одни напоминают о старом знакомстве, другие подходят поближе взглянуть, пожать руку.

Вдохнув этот воздух, может, впервые начинаешь понимать, что же такое — народная любовь!

МИНСК

ДОРОГИ ПАМЯТИ